

УДК 80
ББК 81.1

**ИНВЕКТИВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ
КАК ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ
ЕДИНИЦА ИНФОРМАЦИОННО-
КОММУНИКАЦИОННОГО
ПРОСТРАНСТВА**

*Слободянюк Наталья Леонидовна,
канд. филол. наук, доцент Кыргызско-
Российского Славянского университета
(Кыргызстан, Бишкек)*

**ИФОДАҲОИ ИНВЕКТИВӢ ЧУН
ВОҲИДИ ФУНКЦИОНАЛИИ ФАЗОИ
ИТТИЛООТИЮ
КОММУНИКАТСИОНӢ**

*Слободянюк Наталья Леонидовна,
н.и.ф., дотсенти Донишгоҳи Славянии
Қирғизистону Русия (Қирғизистон, Бишкек)*

**INVECTIVE CONSTRUCTION
AS A FUNCTIONAL UNIT
OF INFORMATIVE-
COMMUNICATIVE SPACE**

*Slobodyanyuk Natalya Leonidovna, candidate of
philological sciences, Associate Professor of the
Kyrgyz-Russian Slavonic University (Kyrgyzstan,
Bishkek) E-MAIL: evgilia@mail.ru*

Ключевые слова: информационно-коммуникационное пространство, инвектива, инвективная конструкция, проблема функционирования, медийный текст, значение использования

Рассмотрен такой неоднозначный феномен информационно-коммуникационного пространства, как инвективная лексика. Инструментальный анализ ее использования позволил ввести термин «инвективная конструкция». Данный термин одновременно расширяет и конкретизирует понятие «инвектива», которая в свою очередь формализуется не только в вербальном, но и в образно-символическом виде. Изучены социологические, психологические, культурные и исторические аспекты их использования в текстах разного уровня: от ситуации межличностного общения до медийного текста. Освещена проблема функционирования инвективных конструкций в различных типах текстов. Особое внимание уделяется инструментальному значению инвективных конструкций, так как их использование имеет высокую практическую значимость и может быть востребовано специалистами, занимающимися созданием текстов для СМИ и СМК. Определены факторы, объясняющие функциональное и прагматическое значение использования инвективных конструкций.

Калидвожаҳо: фазои иттилоотию коммуникатсионӣ, инвектива, ифодаҳои инвективӣ, масъалаи амалкард, матни медиявӣ, маънои истифода

Хориқаи серпаҳлӯи фазои иттилоотию коммуникативӣ ба мисли лексикаи инвективӣ мавриди баррасӣ қарор гирифтааст. Таҳлили амалии истифодаи ифодаҳои мазкур ба ҷорӣ намудани истилоҳи “ифодаи инвективӣ” имконият фароҳам овард. Истилоҳи мазкур ҳамзамон мафҳуми инвективаро васеъ ва мушаххас мекунад. Инвектива бошад, дар навбати худ на танҳо дар намуди шифоҳӣ, балки образноку рамзӣ низ ба расмият дароварда мешавад. Ҷанбаҳои сотсиологӣ, психологӣ, фарҳангӣ ва таърихӣ истифодаи онҳо дар матнҳои гуногунсатҳ: аз вазъияти муоширати байнишахсиятӣ то матни медиявӣ ба риштаи таҳлил кашида шудааст. Ба масъалаи амалкарди ифодаҳои инвективӣ дар матнҳои гуногунтип рӯшани андохта шудааст. Ба маънои амалии ифодаҳои инвективӣ диққати махсус дода шудааст, зеро истифодаи онҳо аҳамияти калон дорад ва мумкин аст мавриди корбасти мутахассисоне қарор гирад, ки барои ВАО

ва ВКО матн таҳия мекунад. Омилҳое муайян карда шудаанд, ки маънои функционалӣ ва прагматикии истифодаи ифодаҳои инвективиро шарҳ медиҳанд.

Key-words: *informative-communicative space, invective, invective construction, problem of functioning, media text, meaning of usage*

The article is devoted to the consideration of such a disparate phenomenon of the information and communication space as invective vocabulary. An instrumental analysis of its use made it possible to introduce the term "invective construction." This term expands and concretizes at the same time the concept of invective, which in its turn is formalized not only in verbal, but in figurative-symbolic form. Sociological, psychological, cultural and historical aspects of their use in texts of different levels were studied: from situation of interpersonal communication to media text. The problem of the functioning of invective constructions in various types of texts is highlighted. Particular attention is paid to the instrumental importance of invective designs, since their use is of high practical importance and can be demanded by the specialists involved in the creation of texts for MM. The article identifies the factors that explain functional and pragmatic importance of using invective constructions.

Инвективы бытуют на разных прагматических уровнях. Во-первых, на индивидуальном уровне, где они функционируют как сложные нейропсихологические, поведенческие, коммуникационные, культурные и социальные конструкции. То есть, в этом случае они становятся для индивида социальным маркером, определяющим его собственную групповую принадлежность и дифференцирующую его от членов иных групп; показателем его психологического, а нередко и психиатрического статуса, поскольку за продуцирование и функционирование инвективы непосредственно отвечают определенные группы коры головного мозга; обозначают культурную нишу, которую занимает данный индивид. И с более универсальной точки зрения инвективы выполняют функцию буфера между человеком и социумом. Этот аспект отражен, например, в теории Э. Фрейда, который описывает табу – социальный запрет – как источник стресса, невроза. Оно ограничивает естественное стремление к безграничному удовольствию. Инвектива – способ, относительно легальный, преодоления неприятных последствий, связанных с табу.

А во-вторых, инвективы можно рассматривать как способ и стиль социальной коммуникации. Инвектива рождается там, где заканчивается индивидуальное и начинается социальное. Если в первом случае она – реакция человека на воздействие социума: оборонительная, адаптивная, наконец, психотерапевтическая, то во втором случае социум (или его отдельная часть) использует автоматизмы и закономерности бытования инвектив как механизм влияния на личность. Отличия в первом и втором случае – это спонтанность использования инвектив. На индивидуальном уровне человек редко рефлексует по поводу их использования, это использование спонтанно, не всегда контролируемо и довольно ограничено с точки зрения вариативности лексических единиц. Однако в то время, когда речь идет об управляемой, спланированной коммуникации, можно наблюдать инвективы как элемент и как инструмент целенаправленной коммуникации, осуществляемой в социуме с целью получения определенных результатов и проведения запланированных изменений в сознании аудитории различных масштабов. И, соответственно, в практике использования инвектив существуют и формальные отличия. На втором уровне, очевидно, эта практика будет намного более вариативной, сложной с

точки зрения лексических средств и семантических конструкций. Здесь следует определить и разграничить понятия «инвектива» и «инвективная конструкция».

Итак, инвектива – это «коммуникативный феномен, проявляющийся в агрессии по отношению к участникам и нормам общения через употребление табуированных лексических единиц и узуально неприемлемых грамматических форм» [1, с. 352]. Её функциональное значение при этом чрезвычайно велико. В ее задачи входит: конструирование новой коммуникативной реальности; трансформирование сферы социальных запретов и табу в зависимости от их актуальности и способности отвечать насущным потребностям конкретного сообщества, производя их ранжирование, изменение или уничтожение; генерация новых смыслов для привычных явлений и понятий; психологическое принятие нарушения запрета; поляризация социальных понятий. Инвектива аккумулирует в себе негатив, тем самым «очищая» остальные понятия; инвектива – замена агрессивного действия вербальной агрессией. Становится очевидно, что инвектива обладает колоссальным потенциалом для управления социальной динамикой в целом, социальным поведением и общественным мнением. Единственным недостатком инвективы является ее формальная и семантическая ограниченность. Около 80% инвективного словоупотребления составляют всего десять корневых основ. Часто практика требует более богатого материала и обширного инструментария для достижения определенной цели. Тогда речь идет уже об использовании не конкретной инвективы, а более сложной с точки зрения семантики инвективной конструкции, которая, так же как и инвектива, призвана «социально дискредитировать субъект посредством адресованного ему текста». Часто инвективные конструкции не воспринимаются собственно как инвективы, но функционально являются ими. Это относится к большим массивам текста, формально являющимся узуальными; визуальные тексты (например, концептуальные перформансы и инсталляции с использованием объектов, обозначающихся корнеобразующими основами инвектив: обнаженное тело в целом, гениталии в частности, публичное нарушение табу, связанных с религией и идеологией, и пр.). Новое время начинается именно с текстов такого рода. Речь идет о карикатурах времен наполеоновских войн. Так, тема телесного низа и связанных с ним физиологических оправлений становится ведущей, причем как во Франции, на тот момент только что свергнувшей многовековые устои, так и в консервативной, чопорной Великобритании. Современные масс-медиа по-прежнему широко используют этот прием, например, печально известный французский юмористический журнал «Шарли Эбдо»[2].

Таким образом, использование в коммуникации инвектив и инвективных конструкций можно отнести к одной из форм психологического воздействия на аудиторию. Этому способствуют несколько факторов, они же обуславливают форму и содержание используемой инвективной конструкции.

Практика создания современного медийного текста требует также создания нового инструментария и новых технологий. Но новое не всегда оказывается эффективным. Часто имеет смысл обратиться к формам, в том или ином виде бытовавшим в текстах различного уровня. Одной из таких форм является инвектива.

Использование инвективы как неотъемлемой части мышления человека оправдано с психологической, нейропсихологической, поведенческой и социальной точки зрения.

Функционально инвектива помогает проявлению социальной рефлексии, утверждению новых смыслов и новой мифологии, утилизации социальной агрессии, она же способствует

преодолению действия норм и табу, переставших отвечать требованиям новой эпохи. Таким образом, инвектива может служить триггером социальных процессов и социальной динамики. А следовательно, ее потенциал велик для использования в медийных текстах, участвующих в социальной инженерии и в управлении социальными процессами.

Однако собственно инвектива, с одной стороны, слишком очевидна в своем функционировании и в определенный момент может вызвать неприятие аудитории, выстроив ненужные барьеры в восприятии с точки зрения этических и культурных фреймов. Поэтому она нуждается в своего рода утилизации. А с другой стороны, выразительность собственно инвективы довольно ограничена. Её частое использование приводит к десенсибилизации аудитории: она перестает реагировать на подобные тексты ввиду их определенной шаблонности.

Решением этих двух проблем для создателей медийных текстов является введение понятия «инвективная конструкция». Под инвективной конструкцией мы будем понимать сложную семантическую и образную конструкцию, функционирующую по модели собственно инвективы, но являющуюся неочевидной для аудитории, действующей в обход критических барьеров восприятия, она затрагивает глубинные эмоциональные механизмы и даёт своим создателям возможность для большей вариативности.

Использование инвективных конструкций можно проследить исторически. Так, они появляются в древнерусской литературе, выполняющей преимущественно идеологическую функцию для создания некоего государственного образования, и широко используются уже в «Повести временных лет».

Инвективные конструкции приобретают особую популярность в литературе, публицистике, журналистике каждого эпохального переломного момента: от произведений А. Кантемира до постмодернистских текстов литературы XX века и современных текстов.

Журналистские тексты также часто создаются с использованием этого приема. В информационно-коммуникационном пространстве существует своего рода константа-оппозиция: монументальность против инвективности. И это выступает залогом динамичного развития социального процесса, способом преодоления стагнации и распада.

Другими словами, уничтожение определенных элементов системы необходимо для обеспечения её жизнеспособности. И такая позитивная деструктивность становится возможной благодаря использованию инвективных конструкций.

Функциональное значение текста как «высшей коммуникативной единицы» [3, с. 33]: художественного, публицистического, журналистского, бытового – выходит за общепринятые рамки. Когнитивная, эмоционально-оценочная, изобразительная, экономическая, суггестивная, гедонистическая функции на практике нередко отступают на второй план перед мифологической функцией, функцией социального моделирования и управленческой, или, иначе говоря, функцией социального менеджмента. Так, традиционно рассматриваемая функция текста, как художественного, так и любого другого, в качестве дискурса коррелирует с функциями, указанными выше. Репрезентативная функция соотносится с функцией социального моделирования. Текст не просто несет информацию об окружающей действительности, описывает вещи, события, ситуации, представляет факты, но и прогнозирует, планирует и задает вектор развития социальных процессов. К пониманию этого процесса приблизилась так называемая социологическая критика XIX века. Но тогда это описывалось как императивное, дидактическое влияние, которое, очевидно, не может быть достаточно эффективным. И

далее экспрессивная функция соответствует мифологической, а аппелятивная – управленческой [4, с. 321].

Из этих нюансов функционального значения текста как коммуникативной единицы исходит и необходимость нового описания инструментального уровня. Например, проблема инвективы достаточно рассмотрена в соответствующей литературе. Но представляется необходимым более детально подойти к проблеме и рассмотреть более сложную коммуникативную единицу – инвективную конструкцию. Их использование при создании текстов обусловлено несколькими факторами. Они же объясняют их функциональное и прагматическое значение.

Первый фактор - психологический. Использование инвективных структур характерно для человеческой психики. Они действуют по принципу шаблонов восприятия и мышления: «Я обесцениваю то, чего боюсь/не понимаю/не принимаю». Эта форма работает в подавляющем большинстве коммуникативных ситуаций, когда информация не переводится в рационально-логический пласт восприятия. Инвективы в этом случае могут рассматриваться не только как конкретные лексические средства, но и как более сложные лингвистические и экстралингвистические конструкции. А через них в свою очередь становится возможным управление восприятием тех или иных объектов, идей, явлений, личностей. В этом смысле инвективной конструкцией будут анекдот, карикатура, в современной коммуникативной практике – мем. Как следствие, инвективной по своей природе становится большая часть текстов, определяющих современное информационно-коммуникационное пространство. В задачи этих текстов входят систематизация и структуризация представлений об окружающем мире в обыденном и мифологическом сознании человека. Этот механизм, как мы видим, опирается на автоматизмы нашего восприятия социальной информации. В том числе наряду с инвективными текстами функционируют инвективные мифы. Например, мифологическое представление о «внешнем» мире, разделяющем мир на «свои-чужие»: свое – хорошее, светлое, доброе; чужое – плохое, темное, злое – организуется по принципу инвективной конструкции и появляется уже в «Повести временных лет»: «Другой закон у гилий: жены у них пашут, и строят дома, и мужские дела совершают, но и любви предаются, сколько хотят, не сдерживаемые своими мужьями и не стыдясь; есть среди них и храбрые женщины, умелые в охоте на зверей. Властвуют жены эти над мужьями своими и повелевают ими. В Британии же несколько мужей с одною женою спят, и многие жены с одним мужем связь имеют и беззаконие как закон отцов совершают, никем не осуждаемые и не сдерживаемые»[5, с. 33]. Современное медийное пространство изобилует аналогичными текстами, составляющими общественно-политическую риторику. На этой основе выстроены новостные форматы, ток-шоу, инфортеймент и пр.

Второй фактор – этнокультурологический. Принято считать, что в основе современной инвективы в русскоязычном информационно-коммуникационном пространстве с точки зрения языковых средств начиная с XIX века лежат идиш, язык офеней и цыган, то есть, язык этнических и социальных маргинальных групп относительно доминирующей общности. Потенциал для трансформации нормы черпается из источников, оппозиционных узуальным. В этом нашла отражение уникальная черта русской культуры – ее амбивалентность, диалогичность и противоречивость. Становится возможным, с одной стороны, фанатичное оберегание узуса, а с другой стороны – своеобразное «пристрастие», традиция выхода за рамки нормы на грани ее отрицания.

Примером может служить неоднозначное творчество Ивана Баркова, «боярина небольшого» русской литературы, который «жил грешно, а умер смешно». И. Барков – соратник М.В. Ломоносова по службе в Академии наук, один из первых переводчиков классицистических текстов и теоретиков русского классицизма, и в то же время автор «срамных» од. Его творчество при всей своей спорности становится культурной оппозицией новой государственной идеологии абсолютной монархии, чьим рупором становятся произведения классицизма. Но в российской традиции государство всегда противопоставлено обществу. Управляют всегда некие демонизированные «они», противопоставленные правым идеальным «мы». И общество осмысливает себя как «мы», интеллигенция всегда больше «мы», чем «они». Узус, норма, табу устанавливаются сверху, тем самым само общество получает инерцию для противодействия норме. Противодействие начинается с формирования семантических конструкторов, описывающих реалии этого взаимодействия. Таким образом, инвективы становятся неотъемлемой частью информационно-коммуникационного процесса в обществе. Как результат, «классический» классицизм не приживается в российской литературе. «Высокий стиль» – лишь дань преемственной традиции, а основной стиль русского классицизма все-таки «низкий». Это опыт классицистической комедии, сатиры, драмы; даже произведения «высокого стиля» – державинская ода – при формальном соответствии ему семантически включает инвективные конструкции. Далее «маленький» и «мелкий» человек, реалистическая традиция возводят инвективность едва ли не в абсолют на формальном и идейном уровнях. И, наконец, современный художественный текст в качестве основного изобразительного средства выбирает именно инвективы и инвективные конструкции. Таковы тексты постмодернистской литературы. Все эти аспекты играют решающую роль в формировании современной коммуникационной среды. Именно они задают тон и определяют закономерности функционирования социальной коммуникации. Современная журналистика, масс-медиа обретают специфику, проявляющуюся в активном использовании инвективных конструкций благодаря этим специфическим моментам в становлении российской ментальности.

Третий фактор – социальный, потому что культурный процесс – это упорядоченная последовательность взаимосвязанных культурных изменений или событий, а социализация – это включение личности в систему социальных связей на основе усвоения ею ценностей, норм, образцов поведения данной группы или общества в целом в процессе собственной деятельности и общения [6, с. 117]. Другими словами, социальная структура и социальная коммуникация – это, с одной стороны, продолжение культурного процесса, в ходе которого формируется ментальность, а с другой – попытка преодолеть эту самую норму для продвижения новации. То есть, сосуществуют две взаимно уравновешивающиеся тенденции: сохранения нормы и ее трансформации с целью адаптации к изменяющимся реалиям. В российской практике достичь равновесия довольно сложно. Нарушение нормы становится традицией, сформировавшейся в результате взаимодействия государства и общества, что было рассмотрено в предыдущем пункте, и динамические процессы развития тоже в свою очередь требуют утверждения новых норм, что, очевидно, невозможно без отказа от прежних [7, с. 63]. При этом происходит расслоение внутри общества: некоторая часть возлагает на себя охранительные функции – их задача – сохранять узус; другая часть, как правило, группы с нереализованным социальным потенциалом, стремятся эту норму либо изменить, либо отменить.

Таким образом, инвективная конструкция имеет существенное значение в современной коммуникативной практике и нуждается в более детальном изучении и исследовании.

Список использованной литературы:

1. Засыпкин С. Инвектива // Энциклопедия «Дискурсология». Дискурс Пи. – С. 352-354.
2. <https://charliehebdo.fr/>
3. Бюлер К. Теория языка: Репрезентативная функция языка. - М.: Прогресс, 2010. – 528 с.
4. Жельвис В. И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. – М.: Ладомир, 2015. – 349 с.
5. Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века. / Сост. и общая ред. Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева. – М., 1978. - 413с.
6. Народная культура в современных условиях/ Под ред. Н. Г. Михайлова. – М., 2012. – 135 с.
7. Химик В. В. Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен.- СПб.: Филол. факультет СПбГУ, 2010. -271с.

Reference Literature:

1. Zasyupkin S. Invective // “Discoursology” Encyclopedia. Discourse Pi. – pp. 352-354
2. <http://charliehebdo.fr/>
3. Buler K. *The Theory of Language. Representative Function of Language.* – М.: Progress, 2010. – 528 pp.
4. Zhelvis V.I. *The Field of Battle: Foul Language as a Social Problem in Languages and Culture of the World.* – М.: Ladomir, 2015. – 349 pp.
5. *The Narrative of Temporary Years // Monument of Ancient Rus Literature. Inception of Russian Literature. The XI-th – the Beginning of the XII-th Centuries // Compilation and general recension by D. S. Likhachyov and L. A. Dmitriev. M.: 1978. – 413 pp.*
6. *Folk Culture under today’s Conditions // Under the editorship of N. G. Mikhaylov. –M., 2012. – 135 pp.*
7. *Himnik V. V. Poetics of the Low or Common Pariance as a Cultural Phenomenon. – Spb: Philologica Faculty under Saint Petersburg University. 2010. – 271 pp.*